

После ухода Почтенной Пяти Духов Гэ Хуань долго не мог прийти в себя, оглушённый услышанным.

Цзисин-цзы покалечил Фэн Цзыяня — лишил его ноги! Мерзавец остался безногим калекой.

Гэ Хуань и сам до смерти хотел прикончить Фэн Цзыяня. Он мечтал искромсать на куски этого ублюдка, который втоптывал его в грязь и ни во что не ставил. Как бы тяжело ни приходилось Гэ Хуаню в этом мире, это всё же была жизнь. Пусть его тело истязали, но никто прежде не смел покушаться на его человеческое достоинство. Фэн Цзыянь стал первым, кто перешёл эту черту. И всё же, представься Гэ Хуаню случай расправиться с врагом собственноручно, ему вряд ли хватило бы духу и жестокости.

Теперь же Цзисин-цзы выплеснул за него эту злобу, отомстил за все унижения.

И с тех пор так и не вернулся.

Только теперь Гэ Хуань со всей отчётливостью осознал, как сильно скучает по Шицзуню. Он даже горько пожалел, что раньше не ценил те редкие дни, когда они были вместе.

Гэ Хуань уже сбился со счёта, сколько раз пытался убедить себя в обратном.

«Шицзунь не может быть главным злодеем. Это просто невозможно!»

Он упрямо опровергал любые подозрения. Ведь в романе не упоминалось, чтобы Цзисин-цзы калечил Фэн Цзыяня ради главного героя. Не было там ни слова о том, как он пойдёт против всех, лишь бы защитить своего ученика. И уж тем более никто не писал, что холодный бессмертный станет утирать Гэ Хуаню слёзы и шептать слова, от которых переворачивается душа.

Нынешний Цзисин-цзы слишком сильно отличался от своего книжного прообраза. А значит, он вполне мог оказаться вовсе не злодеем.

Гэ Хуань устремил взор к горизонту. Закат догорал, расстилаясь по небу роскошным парчовым узором и окрашивая полнебосвода в багряные и золотые тона.

Он едва голову себе не сломал, пытаясь вспомнить, упоминалось ли в первоисточнике какое-нибудь тайное прибежище Шицзуна. Оставалось лишь корить себя за то, что читал роман по диагонали, наспех проглатывая главу за главой.

Однако кое-что он помнил на удивление чётко. Автор писал, что тело Цзисин-цзы по какой-то

неведомой причине обладало врождённой склонностью к смертоносному холоду. И Гэ Хуань знал, что это чистая правда: всякий раз, когда наставник прикасался к нему, пальцы его обжигали ледяной стужей, точно куски неостывающего льда.

С приходом заморозков — в пору Шуанцзян — этот недуг приносил ему поистине адские муки.

До этих дней оставалось совсем недолго, и Гэ Хуань чувствовал, как в груди нарастает глухая тревога. Если кто-то решит воспользоваться его слабостью и совершить покушение, расправиться с Почтенным Поздней Звездой будет проще простого — не сложнее, чем раздавить муравья.

Раньше он и сам подумывал, не улучшить ли момент, когда наставник будет беспомощен, чтобы покончить с ним раз и навсегда. Теперь же его терзала совсем другая мысль: как бы кто-то другой не причинил Шицзуню вреда.

Следующие два дня Гэ Хуань только и делал, что спускался с Горы Возвращения и бродил по владениям ордена Цзюньшань. Он заглядывал в самые глухие, мрачные закоулки, надеясь отыскать хоть какой-то след.

Горные хребты по обе стороны теснины уходили в самые облака, а внизу зябла бездонная, вечно окутанная полумраком пропасть. Ущелье Цзюэши — Гэ Хуань смутно помнил, как оно упоминалось в романе. Когда-то главного героя, затравленного соучениками, загнали туда силой. На самом дне ущелья, скрытая за водопадом и густыми зарослями лиан, таилась Пещера Водяного Занавеса и Лиан. В её глубинах дремал свирепый зверь. Из-за дикости этих мест и смертельной опасности сюда веками не ступала нога человека.

В книге главный герой едва не угодил твари прямо в пасть. Зверь тот был на редкость свиреп и кровожаден; заточённый в подземных залах, он уцелел лишь благодаря бьющим из скал источникам.

Разум твердил Гэ Хуаню, что Цзисин-цзы вряд ли бы забрёл в такую глушь, однако ноги сами несли его вперёд, не подчиняясь голосу рассудка.

Тропы не было. Вокруг теснились колючие кустарники, нещадно цеплявшие за одежду и кожу. Вскоре его руки и ноги покрылись мелкими ссадинами, из которых лениво сочились алые капли крови.

Осень давно вступила в свои права, но здешний лес упрямо хранил тёмную, тяжёлую зелень. Дикие травы вздымались по самый пояс, обдавая путника сырой, пронизывающей до костей прохладой.

Подобрав увесистый сук, Гэ Хуань принялся наотмашь крушить бурьян, с трудом прорубая себе дорогу через вековые заросли.

«Шицзуня здесь быть не может, — думал он, упрямо продвигаясь вперёд. — Наверняка не может».

Но, вопреки доводам рассудка, он не останавливался. Им двигало не только любопытство разглядеть легендарную Пещеру Водяного Занавеса и Лиан и свирепое чудовище. Глубоко внутри он прятал иную, пугающую мысль, в которой боялся признаться самому себе.

На самом дне ущелья лишь тихо журчал горный ручей, однако из-за нависших утёсов, преграждавших путь свету, провал казался пугающе глубоким и таинственным.

Сквозь теснину пробились багровые лучи заходящего солнца. Потоки угасающего света окрасили струи воды и скалистые склоны в тревожные пунцовые тона.

Шаги Гэ Хуаня становились всё тяжелее. Ладони, покрытые грязными мозолями, горели. Спустившись наконец к самому руслу, он оступился на скользком, заросшем мхом голыше и чуть не упал. Откинув ненужную теперь палку, измученный жаждой юноша шагнул в ручей. Студёная вода поднялась до самых икр. Согнувшись в три погибели, он зачерпнул пригоршней прозрачную влагу и жадно, захлёбываясь, сделал несколько больших глотков.

Утолив жажду, он брызнул ледяной водой в лицо. Дрожь мгновенно согнала остатки усталости, вернув мыслям былую ясность.

— И это я? Ну и страшила! — Гэ Хуань с отвращением взгляделся в колеблющееся отражение.

Избалованный барчук из богатой семьи превратился в самого настоящего оборванца.

Одежда превратилась в грязное рубище, запятнанное кровью. Нежная, когда-то холёная кожа огрубела и потемнела от ветра и дорожной пыли. Главному герою едва исполнилось семнадцать лет, но выглядел он на все двадцать один. Время оказалось беспощадным к юноше, безжалостно стерев с его лица былую беззаботную свежесть.

Студёные струи безвозвратно ускользали сквозь его пальцы. Всё в этом мире стремилось вперёд, не зная жалости и сомнений. Вспомнить только, как сам он метался в самом начале, готовый то цепляться за жизнь, то безропотно плыть по течению! Как безумно, до дрожи в коленях боялся Цзисин-цзы! А теперь, ведомый одной лишь тревогой за этого сурового человека, добровольно продирается сквозь непролазную чащу, обрекая себя на новые мучения.

Ирония судьбы, не иначе.

Ночью, с первыми заморозками, ледяной яд неизбежно подступит к сердцу Шицзуня.

Гэ Хуань легонько похлопал себя по щекам.

— Соберись, дурак. Наставнику грозит опасность.

С трудом вытянув уставшие ноги из воды, он зашагал к Пещере Водяного Занавеса и Лиан — тому самому зловещему месту из романа.

Сумерки сгустились над ущельем, принесся с собой колкую сырость. Обхватив себя руками, чтобы хоть как-то согреться, Гэ Хуань шёл вдоль кромки воды, пока тьма окончательно не поглотила окрестности.

К счастью, вскоре из-за туч показалась луна, посеребрившая каменистую тропу.

«Кажется, пришёл!»

Гэ Хуань задрал голову, разглядывая скрытый за зелёным занавесом лиан зев пещеры, откуда с тихим шумом срывались капли воды. При холодном лунном свете он торопливо огляделся.

«И как мне туда вскарабкаться? — Гэ Хуань с сомнением покачал головой. — Высоковато... Сорвусь — костей не соберу».

Ни лёгкостью шага цингун, ни боевыми заклинаниями он по-прежнему не владел.

Единственная освоенная им техника — Техника Сокрушительной Иллюзии — здесь была бесполезна. Очутись Шицзунь в беде, Гэ Хуань со своими жалкими умениями ничем не смог бы ему помочь.

Пустые хлопоты, бессмысленные страхи.

И всё же им владело непреодолимое, сводящее с ума желание увидеть Цзисин-цзы.

Потратив добрых два часа на поиски опоры, Гэ Хуань наконец ухватился за толстый стебель лианы, стиснул зубы и, изо всех сил оттолкнувшись от каменистого выступа, полез вверх. Спустя несколько мучительных минут он перевалился через край и оказался внутри.

С Пещерой Водяного Занавеса и Лиан было покончено — он одолел этот подъём.

Юноша тяжело, со свистом дышал, изнемогая от усталости. Ладони горели — сок раздавленных стеблей смешался с кровью из содранных мозолей, разукрасив пальцы в багрово-зелёные разводы.

Немного переведя дух, он затаил дыхание и двинулся вглубь. Каждый шаг давался с трудом; Гэ Хуань ступал бесшумно, стараясь не потревожить спящую впотьмах тварь.

Свод пещеры сочился ледяной влагой, под ногами хлюпала глубокая грязь.

Подняв глаза, он замер от изумления. Перед ним раскинулось настоящее ледяное царство. Со сводов свисали бесчисленные хрустальные сталактиты. Отражая проникающий снаружи лунный свет, они искрились и переливались, рассеивая мрак подземного чертога.

«Какая же здесь стужа!»

Гэ Хуань задрожал всем телом. В этот миг он горько пожалел, что вообще сунулся в это проклятое ущелье. У Шицзуня и так стынет кровь в жилах, с чего бы ему искать прибежища в ледяном склепе? Он ведь даже не знает об этом месте! В романе ясно говорилось: дорогу сюда нашёл только главный герой, да и то по нелепой случайности. Зачем же он сам притащился сюда?

Похоже, он слишком долго пробыл в теле книжного персонажа, раз ухитрился перенять его дурацкую привычку искать на свою голову приключения.

Лежал бы сейчас в тёплой постели во Дворце Персика и Бамбука — беды бы не знал! Так нет же, понесло мёрзнуть в сырой пещере.

Мысленно осыпав себя проклятиями, Гэ Хуань всё же упрямо пошёл дальше. Раз уж пришёл, поворачивать назад было поздно.

Чудовище обитало в самых дальних глубинах, и, судя по всему, логово было уже близко.

Вдруг впереди гроыхнуло. До слуха донеслись отголоски яростного сражения — треск магических разрядов и утробный, раненый рык зверя. Чем дальше он шёл, тем отчётливее становился шум борьбы.

«Там кто-то есть? Неужели... Шицзунь?!»

Сердце заколотилось от безумной надежды. Позабыв об осторожности, он припустил вперёд, едва волоча онемевшие от холода ноги. В темноте он оступился, не удержал равновесия и с громким всплеском повалился прямо в ледяную воду. Падение вышло болезненным, зато мгновенно протрезвило одуревший от усталости разум.

Шицзунь был там, совсем близко. Три долгих месяца разлуки показались вечностью.

Собрав волю в кулак, Гэ Хуань поднялся на ноги, отбросил со лба мокрые пряди волос и двинулся дальше — на этот раз не торопясь. Поспешишь — людей насмешишь, а в его случае — ещё и шею свернёшь.

Обогнув массивный скальный выступ, он замер: впереди забрезжил яркий свет.

В самом тупике пещеры возвышалась исполинская каменная глыба. На ней разворачивалось яростное зрелище: огромный белоснежный зверь с четырьмя закрученными рогами сошёлся в смертельной схватке с человеком в развевающихся белых одеждах.

Было очевидно, что воин в белом полностью завладел инициативой.

Им был не кто иной, как Цзисин-цзы. В его руках грозно вращался Нефритовый жезл Возвращающегося Снега, озаряя пещеру изумрудными всполохами духовной силы. Каждое движение оружия вздымало в подземном озере тучи брызг; ледяные пики на стенах с оглушительным треском разлетались в пыль, осыпаясь в бурлящие волны.

Чудовище напоминало свирепого льва, но было покрыто безупречно белой шерстью, а его голову венчали четыре рога. Тварь упорно избегала воды, стремясь удержаться на скользком уступе, и с невероятной скоростью атаковала когтями, уклоняясь от ударов наставника.

В какой-то момент зверю всё же удалось зацепить противника — на бледной, точёной щеке Цзисин-цзы проступил тонкий кровавый след, странно преобразивший его холодный лик.

Гэ Хуань заворожённо наблюдал за этим величественным, пугающим противостоянием.

«Окажись я на его месте, эта бестия прихлопнула бы меня одним ударом лапы, — с благоговением подумал юноша. — Шицзунь... Ну и силища!»

Он уже хотел было окликнуть наставника, как вдруг четырёхрогий лев замер и резко повернул голову в его сторону. Зверь почуял чужака.

Огромное белое тело в стремительном прыжке развернулось в воздухе и ринулось прямо на Гэ Хуаня.

Цзисин-цзы, сосредоточивший все силы на поединке, не сразу понял, почему зверь прекратил схватку и рванулся прочь.

Наставник бросился вдогонку, но, проследив за траекторией прыжка чудовища, внезапно замер на месте.

Там стоял Гэ Хуань.